

Серийная отравительница

Исследование насилия в спектакле «Бременская свобода»

независимая
2003 - 6 ирк
с. 12

Ольга Галахова

Райнер Вернер Фассбиндер в 1972 году написал пьесу «Бременская свобода», в которой его заинтересовал факт из реальной немецкой истории: казнь фрау Гееше Готтфрид, отравившей 15 человек, в их числе мужа, детей, родителей, родственников и друзей. Это случилось в Бремене, в городе, который, как выясняется, известен не только беспечными бременскими музыкантами. В 1831 году после суда состоялась последняя в стране публичная казнь. Преступнице отсекли голову. Соседи отзывались о ней как о добропорядочной женщине, и никто не мог поверить, что такие злодеяния совершены Гееше Готтфрид.

Фассбиндер, известный интересом к исследованию насилия, а также нестандартными подходами к общепринятому, увидел в этом сюжете становление личности Гееше Готтфрид. Он написал свою версию исторического сюжета. В Гееше Фассбиндер увидел прародительницу феминизма. В первый раз, убив в стихийном порыве мужа, чтобы защитить себя от его brutальных посягательств и сексуальных домогательств, она с каждым последующим убийством приходит к пониманию нового уровня свободы, доходя до осознания того, что женщина должна быть уравнена в правах с мужчиной, что ее

делом может стать не только подача кофе и газеты к завтраку хозяину, но и само дело хозяина. В программке спектакля эта роль обозначена так: Гееше Готтфрид, впоследствии предприниматель.

Театр из Штутгарта, который выступает на фестивале им. А.П. Чехова с внушительной программой, на большой сцене МХАТа им. Горького показал лишь один спектакль – «Бременскую свободу» в постановке штатного режиссера Жаклин Корнмюллер, которая сохранила идеологию пьесы в неприкосно-

приготовления кофе. Машина смерти. Сочетание условности и натурализма, наложение времени минувшего и настоящего создает особый эффект. История намеренно приближена режиссером ко дню сегодняшнему.

Жаклин Корнмюллер настаивает на актуальности событий, случившихся в начале XIX века. Ставится своего рода современная притча, для которой характерно намеренное повторение приема, сюжетного хода.

Вот появляется первый муж Мильтенберг – Райнер Бок, насто-

поряжается финансами фрау Готтфрид. Ради него героиня убивает своих детей, чтобы удержать в доме мужчину.

Жуткая сцена отравления детей решена режиссером просто и потому столь выразительно, что охватывает ужас. Два игрушечных заводных желтых мишки, появляясь из-за ширмы, бьют в барабанчики, весело топчут. Гееше берет их на руки. Мы видим ссутулившуюся спину. Ее душат рыдания. Это убийство далось ей труднее, чем все остальные. И молитва была самой пронзительной.

Немецкому театру свойственно передавать на сцене ощущение плоти и в красоте, и в неприглядном животном натурализме и, наконец, заставлять и нас ощущать живое как ценность. Когда Гееше сообщит, что беременна, то режиссер спроецирует на экран жизнь зародыша, его дыхание, его колыхание в утробе матери.

Шаг за шагом убийца будет устранять всех, кто мешает ее жизни, включая мать, отца и брата. Она превращается в серийную отравительницу одновременно из-за одиночества и патологической зависимости женщины от мужчин. Отравив последнюю жертву, подругу Луизу Мауэр – Юлиана Корен, соседку по улице, Гееше с улыбкой признается той, что в чашке кофе был яд. «Почему ты отравила меня?» – недоумевает подружка, думая, что это шутка. «Так, как ты, жить нельзя», – объясняет Гееше, и жертва устало соглашается да, да, нельзя...

Идеология феминизма зарождалась через убийство

венности – зарождение через убийство идеологии феминизма, смерть как поиски равенства, становление личности через преступление.

На раздвижной ширме, установленной на возвышении перед задником, – фотоизображение лежащей обнаженной женщины. Когда раздвигается ширма, на наших глазах голова отрезается от тела. Так – мимоходом – совершается казнь. Нашу память режиссер отсылает к тому, что случится с фрау Готтфрид. Задник меняет колорит от насыщенно-зеленого до красновато-оранжевого.

Пол сцены вздыблен дугой. На нем установлен аппарат для

ящая свинья. «Шнапс» – ключевое слово в его жизни. Войдя в комнату без трусов, он минут пятнадцать потрясает гениталиями, после чего начинает раздавать жене зуботычины, – все между делом, по заведенному им порядку. Гееше – Геди Кригескотте – затравлена, унижена. Чашка с ядом проводит первую черту смерти. Но ей еще верится, что возможно счастье с мужчиной. Она еще не понимает, что пол и секс – главные проклятия ее судьбы.

В дом входит второй муж Готтфрид – Клаус Хеммерле, господин улыбчивый и вежливый. Если первый – животное, то второй оказывается вежливой сволочью. Он с удовольствием рас-